

— Войдите!

В маленький тесный кабинет главного редактора стремительно вошла красивая рыжеволосая женщина. При виде незнакомки он улыбнулся приветливо, но даже не сделал попытки хоть чуть-чуть приподняться с кресла.

— Вы Олег Степанович?

— Я. С кем имею честь?

— Олег Степанович, будьте так добры, отпустите сегодня с работы Наталию Павловну Тропинину.

— А в чем дело? И кто вы такая?

— Ах да, я не представилась, но, согласитесь, когда мужчина сидит, а дама стоит, это как-то не располагает...

Главный редактор смутился. И вскочил.

— Простите, заработался. Садитесь, пожалуйста, — забормотал он. Черт ее знает, кто эта баба...

— Меня зовут Алина Витольдовна Сухоцкая.

— Очень приятно. Дюжиков.

— Так вот, Олег Степанович...

— Я уже понял, вы хотите, чтобы я отпустил Тропинину. Что ж, я не возражаю, — неожиданно для самого себя пробормотал главный редактор. — Но только на сегодня.

— Разумеется. Я вам весьма признательна, — обворожительно улыбнулась Алиса. — Всего хорошего.

Женщина так же быстро покинула кабинет, оставив главного редактора в полном недоумении.

И почему я согласился, даже не спросил, по какому случаю... Черт, вот баба! Но хороша, просто зверски хороша... Представляю, как она командует мужем... Завтра спрошу у Натальи, кто она такая.

Но тут зазвонил телефон и мысли о рыжеволосой красавице вылетели у Дюжикова из головы.

Алиса буквально выволокла Тату на улицу и записала в машину.

— Куда ты меня тащишь?

— В ресторан.

— Зачем?

— Зачем ходят в ресторан? Ты вообще что-нибудь ела в последние дни?

— Не помню... Только я в ресторан не могу...

— Почему это?

— Я в таком виде...

— Ничего, там полумрак, — усмехнулась Алиса. — Если уж ты в таком виде явилась на работу, то и в ресторан можешь, тем более днем.

— Алиска, а может, не стоит?

— Стоит, стоит. И потом я есть хочу, а дома у меня хоть шаром покати.

В ресторане было почти пусто. Их провели за столик, стоявший немного на отшибе, подали меню.

— Выбирай, Татка, тебе необходимо поесть.

— Не хочется.

— Мало ли что не хочется. Надо! Тебе сейчас силы нужны. У тебя, между прочим, дочь, а у дочери переходный возраст и распадаться на части ты просто не имеешь права. Подумаешь, большое дело, дорогой Илюшенька слинял...

— Ты не понимаешь... Я его люблю...

— Все я понимаю. Даже гораздо больше понимаю, чем ты думаешь. Но есть все равно надо.

И она заказала подошедшему официанту хороший обед.

— Выпить хочешь?

— Хочу! — неожиданно кивнула Тата. — Очень хочу! Но ты же за рулем.

— А я одну рюмку. Ну ладно, теперь рассказывай. Пока еще подадут...

— Он ушел... Подло, гнусно... И собаку забрал... Я вернулась с работы, а его нет. И еще, как назло, одна баба на работе в этот день сказала: счастливая ты, Татка, муж у тебя хороший, заботливый, летом ремонт сделал, когда ты в отпуске была... Ну я, дура, и вправду себя счастливой почувствовала... Прихожу домой, а Иришка вся в слезах. Лушка пропала. Как — пропала? Прибегаю, говорит, из школы, а ее нет, просто мистика какая-то. Я сперва решила, что Лушка спряталась. Стала ее по шкафам искать и вдруг смотрю — все Илюшины вещи исчезли. До единой. Я похолодела... Пытаюсь записку найти... думаю, не мог же он просто так нас бросить, ничего не объяснив...

— Нашла?

— Нет. Но он вскоре позвонил: «Тата, я ушел, прости, деньги на Иришку буду регулярно посылать. Сейчас оставил тебе пятьсот баксов, на первое время». И положил трубку, даже не дал мне слова вставить... И Лушку увел... Знаешь, меня это больше всего оскорбило. Что ж, выходит, собака ему дороже дочки, да?

Алиса с молчаливым сочувствием глядела на подругу. Поступок Ильи ее не очень удивил.

— И потом, он же знает, как Иришка любит собаку... Сволочь!

— Согласна! Последняя сволочь. Но к кому он ушел, ты в курсе?

— Нет. Понимаешь, — совсем тихо проговорила Тата, — мне приятнее думать, что он просто ушел... а не к другой женщине... Ну, может, устал...

— Устал? От чего, интересно, он устал? Наверняка у него какая-нибудь бабенка.

— Помоложе.

— Необязательно!

— Он любит молоденьких.

— По-моему, он всяких любит, ему без разницы.

Официант принес закуски.

— Тата, поешь, — проникновенно сказала Алиса. — И давай хлопнем по рюмашке. За нас!

— Давай! — вздохнула Тата. — За нас с тобой и за Соньку, конечно.

— Ну разумеется. А помнишь, мы в юности отдыхали в Сочи и какой-то пожилой дядька сказал про нас: три полуграции!

— Да, действительно... Ты тогда еще здорово обиделась, ведь ты была такая тоненькая, а вот мы с Сонь-

кой были очень даже в теле. Я и сейчас не худенькая, а от Соньки половина осталась.

— И отлично! Ей так гораздо лучше. Но все равно, мы и тогда на трех граций не тянули, а уж почти в срок хорошо хоть полуграциями можем считаться, согласна? Так выпьем же за нас!

— Ох, что бы я без вас делала, Алиска!

— Нет, что бы мы все друг без дружки делали? За нас, Таточка!

Тата залпом осушила рюмку и сразу налила себе еще.

— Ты поешь сперва, а то окосеешь, — грустно улыбнулась Алиса.

— Да-да, я вдруг так проголодалась...

Когда они уже приступили к десерту, к ним подошла немолодая женщина в каком-то весьма причудливом одеянии. На плече у нее сидел довольно большой попугай, светло-серый, с ярко-красным хвостом. В клюве попугай держал две бумажки.

— Какой красавец! — восхищенно проговорила Алиса.

— Милые дамы, узнайте свою судьбу! — таинственным голосом произнесла женщина. — Не пожалеете. Я предсказываю только хорошее. Вас ждет впереди много счастья, поверьте, иначе я бы к вам не подошла. Лека, золотко мое, отдай! — И она вырвала записки у попугая из клюва. — Прочтете, когда я уйду. — И она быстро удалилась.

— Странно, раньше тут никаких гадалок не было, — пожалала плечами Алиса. — Они думают, что так привлекут клиентов? Что за фигня тут написана? — Она вскрыла записку и расхохоталась.

— Что у тебя? — заинтересовалась Тата, вертя в руках свою.

— Просто бред сивой кобылы. Интересно только, откуда она знает, что я Алиса? Ну-ка разверни скорее свою записку.

— Лучше ты... — Тата протянула бумажку по-друге.

Та прочитала:

— «Найдет свое счастье Наташа с мужчиной по имени Паша».

— Паша?

— Паша, Паша. У тебя есть знакомые Паши?

— Алиска, а что у тебя?

— Да чушь. Вот. «Найдет свое счастье Алиса на пыльных дорогах Туниса». Но имя этого счастья почему-то не указано! Вероятно, что-то весьма экзотическое.

— Алиска, у меня плохо с географией. Тунис — это где?

— В Северной Африке. Но я туда не собираюсь.

— Кто знает... А вдруг?

— Это ты о Паше размышлялась? Зря, подружка, глупости это все. Обыкновенная туфта.

— Дай мне твою записку, — протянула руку Тата.

— Возьми. Только зачем?

— А я сохраню. На всякий случай.

— Охота тебе всякую чепуху хранить? Странно только, откуда она наши имена узнала?

— Ты ведь здесь не первый раз? — спросила Тата.

— Но ты-то первый! И уж Наташей я тебя точно не называла. А Тата может быть и от Татьяны и даже от Тамары.

— Что ж, может, она и вправду ясновидящая?

— Поживем — увидим, — усмехнулась Алиса. Она была рада, что Татка наконец оживилась.

— Алиска, я со своими заморочками даже не заинтересовалась, как ты-то.

— Нормально. Правда, времени ни на что не остается. Кручусь целыми днями.

— Знаешь, вот ты приехала, и мне почему-то стало легче, просто удивительно...

— А Сонька?

— Сонька золотой человек, но так она не умеет.

— Умеет. Я же помню, как она меня выхаживала, когда с Эриком это случилось... Да и ты тоже...

— Нет, Сонька, она жалеет. А ты...

— Я тоже жалею.

— По-другому. Ты не просто жалеешь. Ты властная и хочешь, чтобы все сразу было по-твоему.

— Да? Может быть... А что это мы тут расфилософствовались? Нам надо многое решить.

— Что?

— Как жить дальше.

— Кому? Мне?

— Ну не мне же! Я буду жить как живу. А вот тебе необходимо начать совершенно новую жизнь.

— То есть? — испугалась Тата.

— Ну, ремонт у тебя в квартире сделан, — значит, тут ничего не обновишь. Тогда займемся тобой... Для начала нужно поменять имидж.

— Как?

— Элементарно, Ватсон! Первым делом постричься и, может быть, немного подкрасить волосы.

— Я не хочу стричься! Мне жалко...

— Совершенно не жалко! Со стрижкой ты будешь выглядеть лет на десять моложе. Погоди... — Алиса вытащила из сумочки сотовый телефон: — Алло, Тамара? Да, я. Тамарочка, у тебя сегодня все расписано? Нет? Очень удачно! Нет, это не мне, моей подруге. Ее необходимо подстричь. Договорились. Пока. Ну вот, начало положено. Через полтора часа она нас ждет.

— Алиса, это насилие! — со смехом воскликнула Тата.

— С тобой только так и можно! Силой!

— А если мне не понравится?

— Понравится, зуб даю!

— Алиса, что за выражения!

— Это наш завхоз всегда так говорит. Обычный блатной жаргон.

— Но тебе это как-то не...

— Не идет?

— Да нет, тебе, по-моему, все идет... Ой, Алиса, а сколько эта твоя парикмахерша стоит?

— Не бери в голову!

— Нет, я так не согласна!

— Могу я сделать тебе подарок? Могу. Имею полное право. Вот я и подарю тебе новый образ! Не хило, а?

— Ладно, дари новый образ, — сдалась Тата.

— И в этом новом образе ты встретишь своего Павла!

— Мужчину по имени Паша?

— Именно!

— Алиса, а что, если попросить эту тетку погадать на Соньку?

— Не смей меня! Я и так знаю, что она нагадает. Найдет свое счастье Соня с женщиной по имени Моня!

— Ну необязательно... — фыркнула Тата.

— Конечно, для разнообразия это может звучать так: найдет свое счастье Соня с каким-нибудь вором в законе!

— Спятила, да? — расхохоталась Тата.

— Найдет свое счастье Софа за чашечкой черного кофа!

— Алиска, прекрати!

— Найдет свое счастье Софья в объятых м... Прокофья!

— Алиса, замолчи, умоляю! Если б мне кто-то сегодня утром сказал, что днем я буду ржать как ненормальная...

— Ты бы в рожу тому плюнула, я права?

Все-таки Алиска — настоящее чудо, думала Тата, поднимаясь пешком на пятый этаж. Лифт опять не работал. И как у нее все получается? Интересно, Иришка дома? Наталия Павловна забыла взглянуть на окна. Но на площадке уже были слышны ужасающие звуки. Ясно, ребенок смотрит Муз-ТВ. Тата открыла дверь, и тут же в прихожую выскочила Иришка.

— Мам, ты где была? Я тебе звонила на работу... Ой, какая красотища! Мамулька, ты умница, тебе так идет! — верещала девочка, повиснув у матери на шее. — Мам, а ты что-нибудь ела?

— Ела, еще как ела. Меня Алиса потащила в ресторан. А ты?

— Я у Машки пообедала. Значит, это ты не сама постричься надумала, это все Алиса?

— Алиса.

— Круто. То-то я смотрю, стрижка у тебя классная.

— Тебе правда нравится? — спрашивала Наталия Павловна, глядя в зеркало.

— Я ж говорю — класс! Ты помолодела, мамулька! Молодчина! И вообще, у тебя совсем другой вид... Мам, мы ведь не пропадем, правда?

— Еще чего!

— Наконец-то! Я слышу нормальные речи. Подумаешь, не мы первые, не мы последние.

— Что?

— Ну я хочу сказать, не нас первых бросили...

— Ну тебя вообще никто не бросал. Это меня...

— Мама, не смей! И вообще, мы вот с Машкой разговаривали... Ее ведь тоже папашка кинул... ну так вот, мы с ней решили, что так даже лучше.

— Интересно.

— А что? Вот Машка считает, что им теперь куда лучше живется. Никто не напивается и вообще...

— Ну твой отец редко напивался.

— Неважно, все равно. Машка говорит, лишь бы бабки давал.

— Боже мой, — поморщилась Наталия Павловна.

— Мама, не строй из себя цацу! Сама знаешь, бабки в нашей жизни самое главное.

— Нет, не самое главное!

— Ладно, — махнула рукой Иришка, — пусть не самое главное, но все-таки это очень-очень важно.

— Бесспорно.

— Ну вот, а разве лучше было бы, если бы... если бы он жил с нами и ходил на сторону, а? По-моему, лучше по-честному. Ушел, и все.

— Если бы по-честному! А он... Лушку украл...

Глаза Наталии Павловны наполнились слезами.

— Мам, признайся, ты по Лушке больше скучаешь, чем по нему, да?

— Не знаю... ничего не знаю. И вообще, он еще, может быть, вернется, может, он просто устал...

— Нет, не вернется, — покачала головой Иришка.

— Почему ты так уверена?

— Мам, пообещай, что не будешь плакать!

— Что? Что случилось?

— Нет, ничего не случилось. Просто ты пообещай...

— Хорошо... обещаю. В чем дело?

— Мам, он бабник.

— Бабник? Ну и что? Да будет тебе известно, бабники часто бывают отличными мужьями. Такой вот парадокс, — тяжело вздохнула Наталия Павловна.

— Но он... Он был плохой муж.

— Да? С чего ты взяла?

— Я знаю, — насупилась Иришка, поняв, что сболтнула лишнее.

— Ах, Ирка, плохой, хороший — какое это имеет значение? Я его люблю, — тихо проговорила Наталия Павловна.

— И совершенно зря!

— Но он же твой отец!

— Никудышный отец!

— Неправда! Он хороший отец, он тебя обожает.

— Оно и видно. Даже любимую собаку стибрил.

Папочка!..

Наталия Павловна внимательно посмотрела на дочь. Действительно, в последнее время, еще до ухода Ильи, она замечала, что Ирка как-то странно ве-

дет себя с отцом, словно знает о нем что-то компрометирующее, но, занятая работой и домашними делами, она думала, что дочь с отцом просто поссорились из-за чего-то.

— Ну-ка, Иришка, скажи мне, что ты имеешь в виду? Из-за чего я должна плакать? Ты о чем-то догадывалась раньше, да? Про его женщину? Ты в курсе, к кому он ушел?

— Нет, мамочка, нет, клянусь, этого я не знаю! Честное благородное слово! — горячо заверила мать Иришка.

— Но что-то ты все-таки знаешь?

— Кое-что, — потупилась девочка.

— Ну говори, не томи душу. Худшее все равно случилось уже...

Ира внимательно смотрела на мать. Ей было ужасно ее жалко. Сказать или нет? Скажу, решила она через минуту, глядя в испуганные глаза. Пусть знает, может, ей легче будет.

— Мам, я один раз видела...

— Что? Что ты видела? — воскликнула Наталия Павловна.

— Еще летом... Помнишь, перед отпуском у нас гости были?

— Ну?

— Я была на балконе, и вдруг в комнату вошла Алиса...

— И что? — замирая от ужаса, спросила Наталия Павловна.

— А за ней он. И он к ней... полез. А она...

— Что?

— Она ему по роже съездила, — с торжеством проговорила Ириша. — И сказала: если ты, сучий потрох, еще подойдешь ко мне хотя бы на пушечный выстрел, я от тебя мокрого места не оставлю... Вот!

— Фу, напугала... Я уж подумала...

— Ты могла подумать, что Алиса тебя предаст? Она не такая!

— Конечно, не такая, но... На этом свете все бывает.

— Мама, да как ты можешь так об Алисе?

— Знаешь, говорят, пришла беда — отворишь ворота. Вот я и испугалась. А что твой папаша, выпив рюмочку-другую, пристает к дамам, для меня никакая не новость. Я только не ожидала, что... Что это так кончится...

И она вдруг расплакалась.

— Мама, мамуля, не надо, не надо плакать... Ну пожалуйста, перестань. Он не стоит твоих слез.

Наталия Павловна улыбнулась:

— Звучит как в кино. «Он не стоит твоих слез»... Да, наверное, не стоит... Но иногда так приятно поплакать, как-то легче становится. — И она дала волю слезам. — Не мешай, Иришка, вот выплачусь, и все... Обещаю.

Девочка на цыпочках вышла из комнаты. Ей тоже хотелось разреветься, но должен же кто-то в семье быть сильным!

Утром, проводив дочку в школу, Наталия Павловна замерла у зеркала в ванной. Тридцать девять лет — не шуточки уже. Но стрижка и вправду здорово моло-

дит. А я еще ничего, вот только похудеть бы немного. Хотя как похудеешь с этой работой? Сидишь целыми днями, да к тому же вечно кто-то что-нибудь сладкое приносит, и авторы часто конфеты дарят, а я так люблю сладкое... Нет, надо себя ограничивать. Из трех полуградий я самая толстая. Но ничего, возьму себя в руки и с сегодняшнего дня сяду на диету. Всего-то и надо сбросить килограммов пять, не больше, совсем тощей я стать не хочу. Мое обаяние в некоторой полноте, мне всегда это говорили. «Ты такая уютная, Таточка», — восхищался когда-то Илюша. Но, видно, теперь его уют уже не устраивает... Сволочь, к Алиске приста-вал... Теперь я понимаю, почему она его недолюбли-вает. Конечно, ей за меня обидно. Надо же, даже по морде ему дала... Впрочем, ничего другого он и не за-служивает... «Ты такая уютная, Таточка». Да мне это многие повторяли! Нет, к черту, к черту, к черту! По-худею и действительно поменяю имидж. А там, может, и работу поменяю... На что, интересно знать. Уйду в другое издательство? А там что, чаи распивать не бу-дут? Конфеты дарить перестанут? Нет. Значит, надо вырабатывать силу воли. Легко сказать... Но не ста-вить же на себе крест в тридцать девять лет? Ни за что! Муж ушел? Ну и черт с ним! Живет же Алиска уже десять лет совсем одна, и что? Вон она какая... Краси-вая, сильная, добрая и вовсе не несчастная. А я? Поче-му я должна обязательно быть несчастной из-за того, что прожила почти двадцать лет с таким? Я привыкла быть замужем. Мне одной будет плохо. Я не могу спать одна, мне как-то странно... Хотя одной, конечно, удоб-нее, можно раскинуться как угодно и вообще... Навер-ное, во всем можно найти хорошую сторону.

Ее глубокую задумчивость прервал телефонный звонок.

— Алло! Сонечка, привет!

— Татка, у тебя сегодня бодрый голос. До меня дошел слух, что ты постриглась. Надеюсь, не в монахини?

— Вот как раз размышляю над этим вопросом.

— Над каким?

— Как жить дальше? Монахиней или нет?

— Разумеется, нет! У тебя есть кто-то на примете? — деловито осведомилась Соня.

— Пока нет.

— Это потому что ты расслабилась от замужней жизни. А надо всегда быть в форме. Тебе не мешает похудеть.

— Я тоже так считаю.

— Кстати, имей в виду, Восьмого марта, как всегда, соберемся у нас.

— А Алиска?

— Естественно, придет.

— Отлично, я тоже буду. Только, Сонь...

— Что?

— Ты, надеюсь, не станешь приглашать для меня женихов?

— Нет, еще рано.

— То есть?

— Ты еще не годишься для сватовства, надо сперва обрести товарный вид, — засмеялась Соня. — Вот после праздника сядешь на диету. Согласна?

— Согласна, конечно, согласна. Сонька, а что будем готовить?